

XIII

ИВАН ФЕПОНОВ

Иван Фепонов, крестьянин дер. Мелентьевской, Купецкой волости, высокий, старообразный, слепой с 5-летнего возраста. Ему теперь 50 лет от роду; живет он частью тем, что плетет сети, лапти, кошель, частью подаяньем, которое собирает на ярмарках и в храмовые праздники, распевая духовные стихи. Кроме стихов он знает и несколько былин, пение которых впрочем не составляет для него источника дохода, как пение духовных стихов. Былинам этим он научился в молодости от слепого калики Петра Степановича Мещанинова, уроженца Бережной Дубравы (Каргопольского уезда, на Онеге-реке). По словам Фепопова, этот калика Мещанинов знал семьдесят былин. Фепонов был лично известен г. Рыбникову, который его встречал на Шунгской ярмарке и записывал духовные стихи, которые он там пел. С его же слов записана г. Рыбниковым одна былина. В сборнике г. Рыбникова он значится под именем «слепого Ивана».

55

ВОЛЬГА И МИКУЛА

А й во стольноём во городи во Киеви

А й народился млад Вольга Всеславьевич, —

Ай рыбы-ты сбежали в глубоки́ станы,

Ай птици-ты слетали во темны́ леса,

⁵ А й звери-ты сбежали за Туги́ горы.

А й возрос тут молодой Вольга да сын Всеславьевич,

Подбирает ведь дружину сорок тысящей.

Когда тыи ли купци да вси ве́дь бояра

Из того ли из Туринца славна города

¹⁰ А й платили дань да ве́дь во Киев град,

А й ко ласковому князю ко Владимиру,

А й не стали-то вносить да дани пошлины.

А й тут ли-то Вольга́ Всеславьевич

А й справляется тут Вольга́ снаряжается

¹⁵ С о своей дружинишкой хороброю,

Во Туринец город во Ореховец.

А едет-то Во́льга день до вечера,

Слышит ратоя да в поли пашучись,

А й сошечка у ратоя поскрыпывают,

²⁰ А й ратой во чистом поли посвистывают,

А й на со́лову кобылу он погукиват.

А й он дру́гой день еде́т до вечера,

512

А у ратоя-то соши́ка поскрыпывают,

Ратой во чистом поли посвистывают,

²⁵ А й на со́лову кобылу он погукиват.

Это третей день иде́т до вечера

Тот ли-то Вольга́ Всеславьевич

Со своей ли он дружиной со хороброю,

Наезжает-то он в поли стара ратоя,

³⁰ Того ли Микулу да Селягиновича:

— А бог теби помочь, да ста́рья старик,

Ай Микула Селягинович!

И тот ли-то Микула да Селягинович

И пашет на кобылы он на соловой,

³⁵ Дубья колодья все в борозду валит.

Воспроговорит тут Вольга таково слово:

— Ай же ты Микулушка Селягинович!

А й твоя кабы кобыла да конем была,

А дал бы за коня тебе пятьсот рублей.

⁴⁰ Говорит ему Микула Селягинович:

— Молодой ты Вольга княженецкой сын!

А й кобыла-та кобыла, не возьму я за кобылу целой тысящи.

Говорит-то ведь Микула таково слово:

— Ай куда же теперь Вольга путь держишь

⁴⁵ Со своею со дружинишкой хороброю?

Ай зговорит тут Вольга таково слово:

— Ай же ты ведь старья стари́к,

Ты Микулушка Селягинович!

А й поехал со дружиной со хороброю

⁵⁰ Брать-то я Туриница ведь города Ореховца.

Говорит-то ведь Микула таково слово:

— Молодой ты Вольга Всеславьевич!

Не взять тебе Туриница да города Ореховца.

Был я третьёго дни в Туриници в городе Ореховци, —

⁵⁵ Это грубы злыи мужики да ведь ореховци

Зафальшивили мою да золоту казну,

Почитали за гроши они за медныи,

А й за медный гроши да за фальшивыи.

Воспроговорит тут Вольга таково слово:

⁶⁰ — Старый ты мой дядюшка да ведь Микулушка!

Ай поедем-ко да ты ко мне в помочь,
Брать Туринца города Ореховца.
Это тут-то ведь Микулушка Селянович
А поехал-то Микула а за Вольгой вслед.

⁶⁵ А й Микулина кобыла да ступком идёт,
А й Вольгины кони во весь дух бежат.
Приезжали близ Туриница да города Ореховца.
А тьи мужики да ведь ореховци
А на тых на реченьках на быстрых то
А й подрезали мосты да все дубовые,
Потопили много силы да Вольгиной.

⁷⁰ А й тут ли-то Вольга Всеславьевич
Заезжае во Туринец с своим дядюшкой.
Оны много силы рубят, больше в плен берут,

⁷⁵ Покорили разорили Туринец-от город Ореховец.
Это скоро Вольга поворот держит,
А во славный во стольный во Киев град.
Заезжает Вольга на широкой двор,

⁸⁰ А й сходит он да со добра коня,
А й заходит Вольга во высок терем,
А это тут Вольга опочив держит.
Эта тая-та поездка тым решиласи.

Записано в Шале, 28 июля.

А от того ли-то от города от Муромля,

Из того ли-то села из Карачакова.

А й справляется удалый снаряжается,

⁵ Старый казак да Илья Муромец

А й во стольнёй во славный во Киев град,

А й ко ласкову князю на почестной пир.

А й приходит-то Ильюня во божью церковь,

А й ко тыи заутрени ко раннею,

¹⁰ А й налагает ведь Илья на себе заповедь,

А й заповедь Илья себи великую:

Чтобы ехать ведь Ильюше да во Киев град,

А й не красть бы-то Ильюше да не воровать.

Не укинуться на прелесть бы на женскую,

¹⁵ А й не кровавить бы Ильи да сабли вострыи,

А й не кровавить бы да стрелочек каленных,

А ехать бы дорожкой прямоезжею

А й ко славному ко городу ко Киеву.

И он справляется Ильюша, снаряжается,

²⁰ А й обувает-то Илья да черны чоботы,

А одевает-то он платица дорожныи,

Надевает на головку пуховый кивёр,

А обкольчужился Ильюша, он облатился.

А й уздае седлае коня добраго,

²⁵ Налагае ведь он потнички на потнички,

Налагае ведь он войлоки на войлоки,

Полагает он седельшко черкальское.

Это туго ведь он подпруги подтягивал,

А й сам-то он Илья выговаривал:

³⁰ — А не для-ради красы басы, братцы, молодецкая,

А для укрепушки-то было богатырскии.

А й берет-то ведь Илья свой тугой лук,

А й берет-то Илья саблю вострую,

А й берет-то он копьё да долгомернойё.

³⁵ А й берет-то он палицу военную,

А й выходит-то Илья да на широкой двор,

А й садился Илья на добра коня,

А видли добра молодца да сядучись,

А не видли тут удалаго поедучись.

⁴⁰ А приезжает ведь он к городу Бекешовцю;

А окол ли того да города Бекешовца

Стоит много множество поганных татаровей.

А заезжает-то Илья да во Бекешев град,

И это начал он по улочкам побегивать,

⁴⁵ А это начал про дороженку расспрашивать,

А заходит-то Илья да во божью церковь.

А собиралисе вси мужики бекешовци

А во тую-то во церковь во соборную,

А все каются оны да причащаются,

⁵⁰ А й к смерти оны все да зготавлиются.

А тут старый казак да Илья Муромец

А он глаза-ты ведь крестит да по писаному,

А й поклон-то он ведет да по ученому,

А й на вси стороны Ильюша поклоняется,

⁵⁵ А челом-то он бьет да о сыру землю:

— Ай здравствуйте, вси мужики бекешовци!

А й покажите вы дорожку прямоезжую,
Прямоезжую дорожку, прямохожую,
А й через темныи леса да тыи Брынскии,

516

⁶⁰ А через тыи грязи теперь Черныи,
А через тое ведь поселье Соловьёной.
Говорят-то ведь мужики бекешовци:
— А не можем показать да мы дорожки прямоезжих.
А на наш ли на Бекешов град

⁶⁵ Наступило много ведь поганных татаревей.
Это скоро тут Ильюша поворот держит,
А й выходит-то Ильюша со божьёй церкви,
А й садился-то Ильюша на добра коня,
Выезжает-то Ильюша вон из города,

⁷⁰ Вырывает он дубинку в три обóймени.
Это начал он дубинушкой помахивать,
А й начал на татар да тут охаживать,
А й прибил, пригубил до единой головы,
А дубинку на лозинки всю поросцолкал.

⁷⁵ Это скоро тут Ильюша поворот держит,
Заезжает он во город во Бекешовец:
— Ай же вы мужики бекешовцы!
А й покажите вы дорожку прямоезжую,
Прямоезжую дорожку, прямохожую,

⁸⁰ А во славный во стольнёй во Киев град!
А вопроговорят тут мужики бекешовцы:
— Ай же ты удалой доброй молодец!

А й живи-ко ты у нас да воеводою,
А береги-тко город наш Бекешовец.

⁸⁵ А вопроговорит Илья да таково слово:

— А й не буду ведь я жить да воеводою,
А й покажите вы дорожку прямоезжую.
А это тут-то мужики бекешовци
А насыпали оны чашу красна золота,

⁹⁰ А другую насыпали чиста серебра,

А третью насыпали скатна жемчугу,
А подносили тут Ильи да во подарочках.
А й не берет Илья да злата серебра,
А й не мелкаго скатнаго жемчуга,

⁹⁵ А й говорят да мужики да тут бекешовци:

— Ай же ты удалой доброй молодец!

517

А не проехать ти дорожкой прямоезжею,
А заросласи тут дорожка да темным лесом.

А на той-то на пути да на дороженки,

¹⁰⁰ А у той-то ведь у грязи да у Черные,

А у той-ли ведь у речки у Черниговской,
А сидит Соловей розбойник он Рахментович,
А сидит Соловей-то он да на семи дубах,
Это в восьмым березищи покляпыи.

¹⁰⁵ А засвищит он да по змеиному,

Закрычит ли-то он по звериному,
А жолты пески со кряжиков посыплютсе,
А темны лесы к сырой земли приклонятсе, —

А побьет-то он тебя своим голосом.

¹¹⁰ А й воспроговорит Ильюня таково слово;

— Ай же вы мужики бекешовци!

А й покажите вы дорожку прямоезжую.

А й показали тут дорожку прямоезжую.

А й садился тут Илья да на добра коня,

¹¹⁵ А видли добра молодца да сядучись,

А не видли тут удалого поедучись.

А не буйныи-ты ветры тут завяели,

А поехал тут удалой доброй молодец

Этой той ли да дорожкой прямоезжею,

¹²⁰ А й прямоезжею дорожкой прямохожею.

А приезжает ведь он скоро ко темным лесам,

А й ко тые грязи да ко Черные,

А розвалилисе гут мостики дубовые,

А больше тут Илью не ехать некуда.

¹²⁵ А спускался тут удалый со добра коня,

А ведет коня-то он на поводи,

А й правою рукой дубья колодья рвет,

А про себя Ильюшенка он мост мостит,

И проезжает-то Ильюша ровно тридцать верст.

¹³⁰ А й садился-то Илья да на добра коня,

Приезжает-то Илья ко той ли речки ко Черниговской,

А он слышит тут гнездо да Соловиное.

А сорывает он Илья да маков лист,

А затыкает он Илья да уши в головы.

¹³⁵ А увидел его Соловей розбойник да Рахмѣнтович,

А й закричал-то он ведь по звериному,

А свистнул-то он по змеиному,

А ино мать сыра земля продрогнула,

А со кряжиков песочки посыпались,

¹⁴⁰ А во реченки вода вся помутиласи,

А темный да лесы приклонилисе,

А богатырской конь да на коленка пал,

А й молодой Илья одва с коня не пал.

А бьет-то он коня да по тучным ребрам:

¹⁴⁵ — Ай волчья сыть да травяной мешок!

А по лесу ты конь да мой не хаживал,

А й ворониного ты крику ты не слыхивал?

А подъезжает он ведь к кусту ракиотову,

Вынимал Ильюнюша ножищю да кинжалищю,

¹⁵⁰ А вырубил он стрелочку ракиотову,

А й натягивал Ильюшенка свой тугой лук,

И налагает ведь он стрелочку ракиотову,

А сам он ко стрелы да приговариват:

— А ты лети, моя стрела, не в тёмной лес,

¹⁵⁵ А ты лети, моя стрела, да не в чисто полѣ,

А й лети ты Соловью ему в правый-от глаз,

А вылетай-ко ты стрела да во лево ухо.

А стрелил ведь он ту стрелочку ракиотову,

А й пала стрелочка розбойнику во правой глаз.

¹⁶⁰ А вылетала-то она да во левое ухо.

Покатился он оттуда что овсяный сноп;

А берет его Илья да за белы руки,

А вязал-то к стремени да ко булатнии,

А повёз-то ведь Илья его во Киев град.

¹⁶⁵ Приезжав ко поселью к Соловьиному,

Увидали-то Илью да его детушки:

— Татенька-тот едет, мужика везет.

А взглянула-то его да молода жона:

— Мужик-от едет, Соловья везе.

¹⁷⁰ А тут-то дочка его бóльшая

519

А выбегала-то она да на широкий двор,

Ахватила подворотню в девяносто пуд,

А хочет-то ударить Илью в голову;

А поворотушки-ты были молодецкии,

¹⁷⁵ А знает он пошибки вси девóчьи,

А пинает-то девку Илья пóд гузно,

А бьет-то он девку по белы́м грудям,

А улетела тут девка за широкий двор.

А й говорил тут он розбойник таково Словом

¹⁸⁰ — Ай же ты моя да молода жона,

Ай же вы мои да малы деточки!

А й насыпайте три телеги злата серебра

А й старому казаку Илью Муромцу,

А й просите-тко меня да на свою́ волю.

¹⁸⁵ А не берет Илья да не злата, ни серебра:

— А й твой живот да есть не праведен.

А повез-то он ко городу ко Киеву

И ко тому ко князю ко Владимиру.

А приезжает-то он скоро да во Киев град,

¹⁹⁰ И поспел ведь тут Илья ко тые ко обедени ко поздыае.

А й становил-то он коня на княженецкой двор,

А вязал коня к столбу точеному

А й ко тому кольцу ко золоченому.

А й приходит-то Илья да во божью церковь,

¹⁹⁵ А й ко тые обедени ко поздные,

А он крест-то сложил да по писаному,

А поклон-от он ведет да по ученому.

И отстояли оны позднюю обеденку.

А на вси стороны Илья да поклоняется,

²⁰⁰ А князю со княгинею в особину.

А й солнышко Владимир стольнё-киевской

А зовет-то князей да на почестней пир

А сильниих могучиих богатырей.

И заходили тут во гридню княженецкую,

²⁰⁵ А й в княженецкую-ту гридню во столовую,

А сажались за столы ли за дубовьи

А за тые ли за скатерти за браные

520

А за тые ли за ествы за сахарнии,

И хлеба-то соли да их кушати,

²¹⁰ А й белого лебедя порушати.

А Владимир-от князь да стольне-киевской

А сам он на Ильюнюшку посматриват,

А й таково слово князь да выговариват:

— Ай же ты удалой доброй молодец!

²¹⁵ А й коёй ты орды да коёй земли,

А й как-то тебя зовут по имени,

А звеличают-то тебя да по отчеству?

А воспроговорит Илья да таково слово:

— Ай же ты Владимир князь да стольне-киевской!

²²⁰ А я естé из города из Муромля,

А из того ведь я села да Карачакова,

Еще старый казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович.

А й воспроговорит Владимир таково слово:

²²⁵ — А й когда же ты выехал из города из Муромля?

А на то ему Илья да ведь ответ держал:

— А сёгодняшняго дня простоял я раннии заутренны,

А поспел я сюда ко тьи ли ко обедени ко поздныи.

А говорит Владимир таково слово:

²³⁰ — Ай же ты старый казак да Илья Муромец!

А й какой же ты дорожкой проезжал сюды?

Зговорит-то ведь да таково слово:

— А ехал я дорожкой прямоезжею,

А прямоезжею дорожкой, прямохожею.

²³⁵ — А видал ли ты у речки у Черниговской,

А видал ли ты розбойника Рахментьева?

А говорит-то ведь Ильюша таково слово:

— А привёз я розбойника его сюды,

А теперь розбойник-то у стремяны висит.

²⁴⁰ А приказал-то ведь Владимир-от князь да стольне-киевской,

А й приводил его Ильюня на почестный пир.

Зговорит тут солнышко Владимир стольне-киевской:

— Ай ты Соловей розбойник Рахментович!

Закричи-тко разбойник бóльшею прогласицей,

²⁴⁵ А закричи-тко ты да по звериному,

А засвищи-тко ты розбойник по змеиному.

Воспроговорит розбойник таково слово:

— Ай же ты Владимир стольнѣ-киевской!

Не твоѣ ли-то я ем я ведь-то кушаю,

²⁵⁰ Не хочу я тебя князя слушати.

Испроговорит Владимир таково слово:

— А старьи казак да Илья Муромец!

А й прикажи-ко закрычать да ты розбойнику.

Воспроговорит Ильюня таково слово:

²⁵⁵ — Ай ты Соловей розбоиник да Рахментович!

Ай закричи-тко ты да гласом нижним.

Это Соловей розбоиник да Рахментович

А скричал-то он да гласом своим нижним,

А й маковки со теремов посыпались,

²⁶⁰ А хрустальные околени розлопали,

А все ли заходили окаракою,

© князь-то Владимир он со стула пал,

А три часу он князь да без души лежал.

А это скоро ведь-то князь да пробуждается,

²⁶⁵ А говорит-то князь да таково слово:

— Положу я тя во Киев град да воеводою,

А все во Киеви от меня вояти,

²⁷⁰ А сердце мое да есть розбойницко.

А й говорит-то ведь Владимир стольне-киевской:

— А положу я тебе в монастырь Благовещенской строителѣм.

А говорит-то ведь розбойник таково слово:

— А не строитель я буду, монастырю розоритель ведь.

²⁷⁵ А й берет его Илья за тьи ли за рученки за белыя,

А выводит-то во чисто полё,

А й привязал-то ведь Илья его на сырой дуб,

А натягивал Ильюшенка свой тугой лук,

Накладывает ведь он стрелочку каленую,

522

²⁸⁰ А стрелил-то он розбойнику во белу грудь,

А роздробил-то тут его да белу грудь, —

А й полно тут розбойнику розбойничать.

Это первая поездка Ильи Муромца,

А по тых мест поездка да кончается.

Записано там же. 29 июля.

523

57

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН ЦАРЬ

А й во стольноём во городи во Киеви

А й у ласкова князя у Владимира

А начинался заводился да почестной пир,

А на многия на князи да на бояра.

⁵ А не зовет он ведь себе да во почестной пир

А сильниих могучиих богатырей.

А приходит-то Ильюша да не званный он.

А приказал-то ведь Владимир князь да стольне-киевской

Засадить его туда да во глубок погрёб

¹⁰ А поморить его смертью голодною.

А сильнии киевски богатыри
А рассердились тут на князя на Владимира,
А оны скоро ведь садились на добрых коней,
А уехали оны да во чисто полё,

¹⁵ А й во тое роздолье во широкоё:

— А й не будем ведь мы жить больше во Киеви,
А не будем мы служить князю Владимиру.
А у князя-то ведь дочка-та малешенька,
А малешенька-то дочка молодёшенька,

²⁰ Во потаи берё ключи у своей матери

А от тых ли-то от погребов глубоких;

524

Составляет она хлеб да Ильи Муромцу.

А й проходило ведь тут времени ровно три году;

А тогда же ведь тот вор, вор Кáлин царь,

²⁵ А собирает он дружинушку хоробрую,

А собирает он себе да ведь много́ царей,

А много-то царей да много кóролей,

А собрали силы оны смету нет,

А поехали ко стольнёму ко городу ко Киеву,

³⁰ А на тую ли на славу на великую,

А ко ласкову князю ко Владимиру,

А хочут взять оны княгину да Опраксию,

А покорить себе-ка оны Киев град.

Становилась эта сила близко Киева,

³⁵ Близко Киева стоит да во чистом поли.

Калин царь а посылает он поганаго татарина

А й со тым пи́сьмом со посольниим,

А ко тому ли-то ко князю ко Владимиру:

— Ай же ты поганьи татарищо!

⁴⁰ Знаешь говорить да ты по русскому,

А мычать про себя да по татарскому?

А й снесико ты писёмышко ко князю ко Владимиру.

А тут татарин да поганьи

А садился скоро на добра коня,

⁴⁵ А получает он письмо да к себе на́ руки,

А поехал он ко городу ко Киеву

А й ко ласкову князю ко Владимиру.

Заезжает-то он в град да не воротами,

А через тую ли-то стену городовую,

⁵⁰ А заезжает он к князю́ да на широкий двор.

А й вязал коня к столбу точеному

А й ко́ тому кольцу да к золоченому,

А й приходит он в покои княженецкие,

А он глаз-то не крестит, богу не молится,

⁵⁵ А не дает-то он чести Владимиру,

А положил-то он письмо да на дубовой стол:

— А и прочитай-ко ты письмо, Владимир князь!

А он смотрит, во письме да есть написано,

А просит-то у князя да Калин царь

⁶⁰ А й славнаго города да Киева,

Да обручныя княгины да Апраксии,

А без бою-то без драки без великии,
А без большого-то такого кроволития.
А закручинился тот князь да запечалился

⁶⁵ Это той тоской печалью он великою:

— А россердел-то я теперь богатырей
А старого казáка Илью Муромца
А засадил-то его во глубок погрёб,
А й поморил его смёретью голодною, —

⁷⁰ А некому стоять буде за Киев град.

А дочка его была малешенька,
А малешенька-та дочка молодешенька,
А й говорила-то она да таково слово:
— Ай же ты родитель ты мой папенька!

⁷⁵ А слышала во церкви во писании,

А старому казáку на бою смерть не уписана,
И голодная смерть не уписана.
А бери-тко князь ты золоты ключи.
А берет-то князь да золоты ключи,

⁸⁰ А отмыкает-то ведь князь да глубокой погрёб,

А во погребу Ильюнюшка живой сидит,
А й горит у Ильюни воскова свеча,
А читает он ведь книгу да евангельё.
А извиняется тут князь да стольне-киевской

⁸⁵ А старому казаку Илью Муромцу:

— А прости-тко ты меня да Илья Муромец!
А посадил я тя во погребу глубокия,
А хóтел поморить смертью голодною,
А еще ведь ты Ильюнюшка да жив ведь есть.

⁹⁰ А не знаешь ты незгодушки великия:

А ко славному ко городу ко Киеву
Наезжал-то тут поганый вор Калин царь,
А собрана дружинишка много царей,
А много царей-то собрал, много королей,

⁹⁵ А по́добрано силы у их смету нет,

526

А все сильнии могучии татарева.
А не мошь ли постоять да ты за Киев град,
А за матушку стоять да свято-Ру́сь землю,
А постоять ли-то за церкви за соборныя,

¹⁰⁰ А тыи за кресты животворящие,

А спасти нас теперь всех князей бояр?
А некому поехать супротиво царя Калина
А россердел-то я теперь богатырей,
А уехали оны да во чисто полё,

¹⁰⁵ А й не бывали о́ны здесь да три́ году.

А и говорит-то ёму старый казак да Илья Муромец:

— Ай Владимир князь ты стольне-киевскои!

А где же есте мо́и да конь добрый?

— А твой конь во стойлы лошадиныи.

¹¹⁰ А й тут-то старый казак да Илья Муромец

Одевает латы-ты кольчуги золоченыи,
А он уздает седлает коня добраго,
А й полагает ведь он потнички на потнички,
А й полагает ведь он войлочки на войлочки,

¹¹⁵ А на верёх-то он седёлышко черкальское,

А й берет-то ведь Ильюня да свой тугой лук,

А й берет-то тут Илья да калены стрелы,

А й берет-то тут Илья да саблю вострую,

А й берет-то он копье да долгомерное,

¹²⁰ А й берет-то он да палицу военную,

А й берет-то он трубку-ту подзорную,

А й садился Илья да на добра коня,

А не смеет напустить на тую силу не на сметную (*так*),

А на сильниих могучиих татаревей.

¹²⁵ А выезжает-то Илья да во чисто поле,

А поднимается на гору на высокую,

А й поглядел ведь он во трубку во подзорную,

А на вси-то на четыре он на стороны.

А со первой горы Илья да он спускается,

¹³⁰ А на другую-то он гору поднимается,

А поглядел-то он во трубку во подзорную,

А й на вси он на четыре да на стороны;

527

А со другой горы да он Илья спускается,

А на третьюю высоко поднимается,

¹³⁵ А поглядел-то он во трубку во подзорную,

А на вси он на четыре да на стороны;

А в той ли стороны да подвосточныя

А увидае в поли там белой шатёр.

А приезжает тут Илья да ко белу шатру,

¹⁴⁰ А у того ли в поли у бела шатра

А стоит двенадцать коней богатырских,

А видит-то Илья да таково дело:

А стоят ты кони, кони тут русийскии,

А ёго-то ведь братьицев крестовых,

¹⁴⁵ А крестовых-то братцев ведь названных.

А он вязал коня тут ко столбу точеному,

А й припуцал-то ко пшены да белояровой,

А заходил-то тут Илья да во белой шатёр,

А глаза-ты он крестит да по писаному,

¹⁵⁰ А й поклон-от он ведет да по ученому,

А на вси стороны Ильюня поклоняется,

А й крестному он батюшку в особину:

— А здравствуёшь ты, крестный ты мой батюшко,

А й Самсон сын Самойлович!

¹⁵⁵ А вы здравствуйте крестова моя братия,

А крестовая вы братия названая!

А увидали-то оны да Илью Муромца,

А скоро ведь скочили на резвы ноги,

А с Ильюшенкой тут братия здоровкались:

¹⁶⁰ — А старый казак да Илья Муромец!

А й говорили, ты посажен во глубок погрёб

У того ли-то у князя у Владимира,

А поморён ты смеретью голодною, —

А ты верно, старик, да жив поезживашь.

¹⁶⁵ А й говорит-то ведь Илья да таково слово:

— Ай же ты крестной мой батюшко,

А Самсон сын Самойлович,

А вси братия крестовая названая!

А поедемте на помочь на великую,

¹⁷⁰ А й насупротив поедем царя Калина.
А говорит-то ведь крёстной ёму батюшко:
— А я сам то ведь не еду, да теби не благословлю
А не буду я стоять большё за Киев град,
А й не могу болé смотреть на князя Владимира

¹⁷⁵ А на Апраксию да королевичну,
А й положено заклятіе великоё.
А говорит-то ведь Ильюня таково слово:
— Ай же ты ведь крёстной мой батюшко!
А поедем-ко ты на помочь великую,

¹⁸⁰ Супротив поедем царя Калина,
А не ради ведь мы князя да Владимира,
А не ради мы княгины да Апраксии,
А й ради матушки поедем свято-Русь земли,
А ради той ли-то веры православных,

¹⁸⁵ А для ради церквей да мы соборных,
А для матушки да богородицы.
И это тут-то крёстный его батюшко
А вся крестовая названа его братия
А поехали да на помочь великую,

¹⁹⁰ А супротив царя да оны Калина.
А выезжали-то на гору на высокую,
А оны брали трубку тут подзорную
А й поглядели тут на силу на поганую;
А стоит-то сила тая во чистом поли,

¹⁹⁵ Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается.
И тут-то оны шатер расставили,

А й вязали коней к столбу точёному,

Это тут-то оны да опочив держат.

²⁰⁰ А Ильюнюшки не спится, мало собитя;

И зауснула ведь тут братия крестовая,

И встаёт-то ведь Илья да на резвы́ ноги,

А выходит-то ведь Илья да из бела шатра,

А садился-то Илья да на добра коня,

²⁰⁵ А спучается со горы со высокии,

А напучает он на рать-силу поганую

529

А на сильних на могучих на татаревей.

А силу-ту он бьет да трои сутки не едаючи,

А не едаючи Илья да не пиваючи,

²¹⁰ А с добра коня Илья да не слезаючи,

А добру коню от доху не даваючи;

А бьёт-то силу до шести он дён,

А не едаючи Илья да не пиваючи,

А с добра коня Илья да не слезаючи,

²¹⁵ А добру коню отдоху не даваючи.

А его доброй-от конь да проязычился

А тем ли языком человеческим:

— Ай ты старый казак да Илья Муромец!

А укроти-тко ты ведь сердце богатырскоё.

²²⁰ А у поганых у татаревей

А е сделано три подкопа глубокиих:

А й во первой подкоп скочу да я повыскочу,

А тебя-то я Ильюшу да повывезу;

А во другой подкоп скочу да я повыскочу,
225 А тебя-то Ильюшу да повывезу;
А во третей подкоп скочу да я повыскочу,
А тебя-то я Ильюшенку не вывезу.
А розгорелось его сердце богатырское,
А розмахалась его рученка-та правая,
230 А направил он коня да во глубок подкоп.
Его добрый конь оттуль повыскочил,
А Ильюнюшку с подкопа он повиытащил;
А со другого подкопа конь повыскочил,
А он Ильюнюшку оттуда он повиытащил;
235 А со третьяго подкопа конь повыскочил,
А Ильюшенки с подкопа он не вытащил.
А сбежал его конь да во чисто полё,
Это начал он ведь по полю побегивать,
Это сильнии могучий татарева
240 А здымали-то Илью да ведь со погреба,
А связали-то Ильи да ручки белыя
А во тыи ли во пугыни шелковыя,
А повели его на казень-ту на смертнующ,

530

А й отрубить-то ведь Ильи да буйна голова,
245 А ведут Илью да мимо церковь соборную,
А возмолился тут Илья да всем святителям.
А й как из далеча далеча из чиста поля
Набежал-то тут к Ильюшенки да добрый конь,
А й хватил-то он зубамы да за тые пугыни шелковыя,

- ²⁵⁰ Оборвал-то путыни шелковые
А слободил его он ручки да белые.
А скочил Илья да на добра коня,
А выезжает-то Илья да во чисто полё,
А и натягиват Илья свой тугой лук,
- ²⁵⁵ Налагает ведь он стрелочку каленую,
А сам он ко стрелы да приговариваёт:
— А пади моя стрела ни на воду ни на землю,
А не в темный лес, да не в чисто́ полё,
А пади моя стрела на тую ли на гору на высокую,
- ²⁶⁰ А проломи-тко крышу-ту шатровую,
А пади-тко крёстному ты батюшку,
А крёстному ты батюшку во белу грудь,
А роздроби ему ты груди белыя,
А за тую за измену за великую.
- ²⁶⁵ А тут стрелил да Илья Муромец;
А летела тут стрела да ведь на гору на высокую,
А й проломила она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на белу грудь,
А на белую-ту грудь да во злачѣный крест.
- ²⁷⁰ А ото сну тут крестный пробуждается,
Говорит-то им да таково слово:
— Ай вы сильнии могучии богатыри!
А пробуждайтесь ото сну да вы от крепкаго.
А где-то у нас старый казак да Илья Муромец?
- ²⁷⁵ А мы едим да пьём да проклаждаемся,
А мы не ведаем незгоды над Ильюшкой.
А ставали ведь тут сильнии могучии богатыри,
А скоро-то ставали на резвы ноги,

А й выходили-то оны́ да из шатра долой,

²⁸⁰ А садились оны да на добрых коней,

А спускалися оны да с высокóй горы,

Нападали на поганых татаревей,

А прибили, прирубили да всю силу ту несметную,

А несметную ту силу да несчётную.

²⁸⁵ Это скоро тут оны́ да поворот держат

А й ко стольнёму ко городу ко Киеву

А ко ласкову ко князю ко Владимиру.

Заезжали-то ко князю да в широкий двор,

А вязали-то коней к столбу точёному,

²⁹⁰ Ко тому кольцу ко золочёному

А приходят-то во гридню во соловую.

А Владимир князь да стольне-киевской

А завел-то он тут свой почестный пир,

А на многия на князи да на бояра,

²⁹⁵ А на сильних на могучих на богатырей.

И все ли на пиру да напивалисе,

А все ли на пиру да наедалисе

А все ли на пиру да пьяны веселы.

А красное солнышко при вечери,

³⁰⁰ А почестной-от пир да весь при весели.

А Владимир-от князь да стольне-киевской

А жалуёт он сильниих могучиих богатырей,

А даёт города да с пригородками,

А даёт золоту казну бесчётную.

³⁰⁵ А князь-то он богатырей да содержать их стал.

Записано там же, 29 июля.

532

58

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

А ездил-то стар по чисту полю,
И от младости да стар до старости,
И от старости да до гробной доски,
Эдакого чуда не наезживал:

⁵ Наезжает стар да три дороженки,

А й три пути широких росстаночки,

А на этих путях на дороженках

А й стоит стоит дубовой столоб,

А й на столби-то подпись подписана:

¹⁰ «А й во перву дорожку ехать — убиту быть,

А во другую ехать — женату быть,

А во третью ехать — богату быть».

Это тут стар пороздумался:

— На что мне-ка-ва стару женату быть?

¹⁵ Молодая-то жена да то чужа корысть.

На что мне-ка-ва стару богату быть?

Эти надо мне-ка старому убиту быть.

А поехал-то ведь старый в ту дороженку.

Проезжает-то ведь старый ровно три часу,

²⁰ Проезжает-то он места ровно триста верст.

Заезжает он за горы за высокии,

Наезжает терема да преввысокии,

Наезжает-то он стан да ведь розбойничкой,

А не много их не мало сорок тысячей.

²⁵ А увидали тут ведь старого розбойники,

А розбойники ты все да наскакалисе,

А й за старого оны все захваталисе.

Говорит же ведь им старый таково слово:

— Ай же вы тати да розбойники,

³⁰ Ай плуты же вы да подорожники!

Что же взять-то вам с меня со старого?

У меня нету́ ни злата да ни серебра,

А й не мелкаго ли-то да скатнаго-то жемчуга;

А кошуля на себе да в целу тысячу,

³⁵ А седельшко черкальско во пятьсот рублей,

⊗ моему да ведь цены́ нету.

И закрычал там атаман да ведь розбойничкой,

Закрычал-то атаман да громким голосом:

— Ай же вы тати да розбойники,

⁴⁰ А плуты этакие подорожники!

Да чего же вам со старым роз говаривать?

А й срубите-тко ему да буйну голову.

Это тут ведь старенькой распáхнется,

Это начал своей палицей помахивать;

⁴⁵ Куда махнет — туда улица,

В зад отма́хнет — переулками.

Он прибил-то приломил да всех розбойников,

И он с перваго да до остатнёго.

Это скоро тут да старый поворот держал

⁵⁰ Это старую-то подпись зафальшивливал,

А новую-ту подпись подписывал:

«А ездил тут старый, да убит не был».

А поехал тут ведь старый где женату быть.

Едет времечки он столько три́ часу,

⁵⁵ Проезжает он ведь места ровно триста вёрст.

Наезжает тут ведь старый красивó село,

А селом-то назвать да великó стоит,

Городом-то назвать да малó стоит;

И построен во сели да королевский двор,

534

⁶⁰ Живёт душечка Маринка королевична,

Прилещает-то она да добрых мóлодцов.

А заезжае тут ведь старый на широкой двор

А й сходил тут стар да со добра коня,

А й вязал-то коня к столбу точёному

⁶⁵ И ко тому ли-то колецку золочёному.

И выходила тут Маришка на широкой двор,

А й берёт его за ручки-ты за белый

А целует во уста да во сахарнии,

А проводит ведь в полату белокаменну

⁷⁰ А садила ведь его да за дубовый стол,

А за тья ли за скатерти шелковыи,

А за тья ли за ествы за сахарнии,

И за сладкия за питья за медвяныи.

А сама отходя́ да поклоняется,

⁷⁵ Зговорит она ему да таково слово:

— Ешь-ко, стар, — не наедайся ты,
Пей-ко, стар, — не напивайся-ко,
Чтобы мог бы ты со мной да позабавиться.
Ест-то ведь старый наедается,

⁸⁰ Пьет-то ведь стар да напивается,

Себи никакой незгодушки не ведаёт.
А ведь брала тут Маришка за белы руки,
Повела-то ведь его да во теплу́ спальню
И ко тьи кровати ко подложистой,

⁸⁵ Сама-то говорит да таково слово:

— А ложись-ко, старенькой, о стеночку,
Лягу молода да я на краичок.
А говорит ведь ей тут старый таково слово:
— Ах ты душечка Маринка королевична!

⁹⁰ А ложись-ко ты, Маришка, да о стéночку,

Лягу ведь я старый ведь на кра́ичок.
У меня-то ведь у старого теперь да не по старому,
Не по старому у мня, да мочь не держится,
Почасту я буду старый ночью вон ходить,

⁹⁵ А вон я ходить, да ведь коня смотреть.

Взимал-то ю за рученки за белыи,

А кидал ю на кроватку на подложисту,
Провалиласи Маришка во глубок погрёб.
А й берет-то ведь старый золоты ключи,

¹⁰⁰ Отмыкае старый кованы́ замки,

Выпускае он много царей,
А много царей да царевичёв,
А много ли королей да королевичев,
Много сильниих могучиих богатырей.

¹⁰⁵ Говорят ему старому таково слово:

— А спасибо тебе, старый казак да Илья Муромец,
Что ты выпустил с неволи со великии.

А й берет ведь старый-то Маришку за белы руки,
Выводил-то Маришку во чисто полё,

¹¹⁰ А й вязал-то Маришку ко сыру дубу,
А й натягивал-то старый да свой тугой лук,
И налагает ведь он стрелочку каленую,
А стреляет он Маришку да во белу грудь,
Роздробил-то у Маришки ретиво сердце.

¹¹⁵ Это тут ли-то старый поворот держал,
И приезжает-то старый к дубову столбу,
Это старую-ту подпись зафальшивливал
И новую-ту подпись он подписывал:
«Ездил-то ведь старый, да женат не был».

¹²⁰ А поехал-то ведь старый где богату быть.
Проезжает-то ведь времечки ровно три часу,
Проезжает ведь он места ровно триста верст.
Наезжает ведь он в поли да глубоок погрёб,
А насыпан погреб злата серебра,

¹²⁵ А насыпан он туда да скатна жемчугу,
А навален-то ведь на погреб превелик камень,
А этот камень был тридевятиста пуд.
А сходит-то старый со добра коня,
Подпал ли старый могучим плечом,

¹³⁰ А он выкинул со погребя велик камень,
А побрал ли-то много злата, много серебра,
Много мелкого скатного жемчуга;
А й построил он церкви соборные,

536

Устанавливал звоны колокольные.

¹³⁵ А й тут же ведь старый поворот держал.
Приезжает старый к дубову столбу,
Старый эти подписи не зафальшивливал,
Новую-ту подпись подписывал:
«А ездил-то старый, да богатой был».

¹⁴⁰ Приезжае он во славной во Киев град
А ко тым ли он пещерам да ко киевским,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то ёго да со добра коня
И заносили во пещеры-ты во киевски,

¹⁴⁵ И тут же ведь старый опочив держал.
А и потамест мы старому славы поем,
Старому казáку Ильи Муромцю.

Записано там же. 28 июля.

537

Как во стольноём во городи во Киеви
Жил был там удалый добрый молодец,

Молодой Добрынюшка Микитинич;

Пожелал-то итти он за охвотою.

⁵ Обувает он сапожки на ножки зелен сафьян,
Одевает он Добрыня платье цветное,
Налагает он ведь шапку во пятьсот рублей,
А й берет-то ведь Добрыня да свой тугой лук,
Этот тугой лук Добрынюшка, разрывчатой,

¹⁰ А й берет-то ведь он стрелочки каленыи,
А й приходит-то Добрыня ко синю морю,
А й приходит-то Добрыня к первой заводи;
Не попало тут ни гуся, ни лебедя,
А й не сераго-то малаго утеныша.

¹⁵ А й приходит то Добрыня к другой заводи,
Не находит он ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сераго-то малаго утеныша.
А й приходит-то Добрыня к третьей заводи,
Не находит он ни гуся, да ни лебедя,

²⁰ А й ни сераго-то малаго утеныша.
Розгорелось у Добрыни ретиво сердце,
Скоро тут Добрыня поворот держал,

538

А й приходит-то Добрынюшка во свой-от дом,
Во свой дом приходит к своей матушки,

²⁵ А й садился он на лавочку брусовую,
Утопил он очи во дубовый мост.
А й подходит-то к Добрыни родна матушка,
А сама-то говорит да таково слово:

— Ай ты молодой Добрынюшка Микитиинц

³⁰ Что же, Добрыня, не весел пришел?

А й говорит-то ведь Добрыня своей матушке:

— Ай же ты родитель моя матушка!

Дай-ко ты Добрыни мне прощеньицо,

Дай-ко ты Добрыни благословленьицо,

³⁵ Ехать мне Добрыми ко Пучай реки.

Говорит-то ведь Добрыни родна матушка:

— Молодой Добрыня сын Никитинич!

А не дам я ти прощенья благословленьица

Ехать ти Добрыни ко Пучай реки.

⁴⁰ Кто к Пучай реки на сем свети́ да езживал,

А счастлив-то отгуль да не приезживал.

Говорит Добрыня своей матушки:

— Ай же ты родитель моя матушка!

А даешь мне-ка́ прощение — поеду я,

⁴⁵ Не даешь мне-ка прощенья — поеду я.

А й дала мать прощение Добрынюшки

Ехать-то Добрыни ко Пучай реки.

Скидывает-то Добрыня платье цветное,

Одевает-то он платьицо дорожное,

⁵⁰ Налагал-то на головку шляпу земли гречецкой,

Он уздал седлал да ведь добра коня,

Налагает ведь он уздицу тесмяную,

Налагает ведь он потники на потники,

Налагает ведь он войлоки на войлоки,

⁵⁵ На верёх-то он седельшко черкасское,

А й туго ведь он подпруги подтягивал,

Сам ли-то Добрыня выговаривал:

— Не для ради красы басы, братцы, молодецкие,
Для укрепушки-то было богатырския.

539

⁶⁰ А й берёт-то ведь Добрыня да свой тугой лук,

А й берет-то ведь Добрыня калены стрелы,

А й берет-то ведь Добрыня саблю вострую,

А й берет копьё да долгомерное,

А й берет-то он ведь палицу военную,

⁶⁵ А и берет-то Добрыня слугу младаго.

А поедучи Добрыни родна матушка наказыват:

— Ай же ты молодой Добрынюшка Никитинич!

Съедешь ты, Добрыня, ко Пучай реки,

Одолят тебя жары да непомерный, —

⁷⁰ Не куплись-ко ты, Добрыня, во Пучай реки.

Видли-то да добра молодца ведь сядучись,

Не видали гут удалаго поедучись.

А приезжает-то Добрыня ко Пучай реки,

Одолили ты жары да непомерныи,

⁷⁵ Не попомнил он наказанья родительска.

Он снимает со головки шляпу земли греческой,

Роздевает ведь он платица дорожныи,

Розувает ведь Добрыня черны чéботы,

Скидывает он порточики семи шелков,

⁸⁰ Роздевает он рубашку миткалиную,

Начал тут Добрыня во Пучай реки купатися.

Через перву-то струю да нырком прóнырнул,

Через другую струю да он повынырнул, —

А не темныя ли тёмени затёмнели,

⁸⁵ А не черныя туг облаци попадали,

А летит ко Добрынюшки люта́ змея,

А лютая-то змея да печерская.

Увидал Добрыня поганую змею,

Через перву-то струю да нырком пронырнул,

⁹⁰ Через другую струю да он повынырнул,

Млад-то слуга да был он тóропок,

А угнал-то у Добрынюшки добра коня,

А увез-то у Добрынюшки он ту́гой лук,

А увез-то у Добрыни саблю вострую.

⁹⁵ А увез копьё да долгомерное,

А увез-то он палицу военную,

540

Стольки он оставил одну шляпоньку,

Одну шляпу-то оставил земли гречецкой.

Хватил-то Добрыня свою шляпоньку,

¹⁰⁰ А ударил он змею да тут поганую,

А отбил он у змеи да ведь три хобота,

А три хобота отбил да что ни лучших.

А змея тогда Добрынюшки смолиласи:

— Ах ты молодой Добрыня сын Микитинич!

¹⁰⁵ Не придай ты мне смёрети напрасныи,

Не пролей ты моей крови бесповинныи.

А не буду я летать да по святой Руси,

А не буду я пленить больше богатырей,

А не буду я давить да молодых жон,

¹¹⁰ А не буду сиротать да малых детушек,

А ты будь-ко мне Добрыня да ты бóльшой брат,

Я буду змея да сестрой мёньшою.

А на ты лясы Добрыня приукинулся,

А спустил-то он змею да на свою волю;

¹¹⁵ А и пошел Добрынюшка во свой-от дом,

А й во свой-от дом Добрыня к своей матушки.

Настигает ведь Добрыню во чистом поли,

Во чистом поли Добрынюшку да темна ночь.

А тут столбики Добрынюшка росставливал,

¹²⁰ Белополотняный шатер да он роздёргивал,

А тут-то Добрыня опочив держал.

А встает-то Добрыня по утра́ рано,

Умывался ключевой водой белешенько,

Утирался в полотно-то миткалиное,

¹²⁵ Господу богу да он молится,

Чтобы спас меня господь, помиловал.

А и выходит-то Добрыня со бела шатра,

А не темныя ли темени затемнели,

А не черныя тут облаци попадали, —

¹³⁰ Летит по воздуху люта́ змея,

А й несет змея да дочку царскую,

Царскую-то дочку княженецкую,

Молоду Марфиду Всеславьевну.

А й пошел Добрыня да во свой-от дом,

- ¹³⁵ Приходил Добрыня к своей матушки,
Во свою-ту он гридню во столовую,
А садился он на лавочку брусовую.
А Владимир князь да стольне-киевской,
Начинает-то Владимир да почестной пир
- ¹⁴⁰ А на многия на князи да на бóяры
А на сильниих могучиих богатырей,
На тых пáляниц да на удалых,
На всех зашлых да добрых молодцов.
А й говорит-то ведь Добрыня своей матушки:
- ¹⁴⁵ — Ай же ты родитель моя матушка!
Дай-ко ты Добрыни мне прощеньицо,
Дай-ко мне Добрыни благословеньицо,
А поеду я Добрыня на почестной пир
Ко ласкову князю ко Владимиру.
- ¹⁵⁰ А и говорила-то Добрыни родна матушка:
А не дам я ти Добрынюшки прощеньица,
А не дам я ти Добрыни благословеньица,
Ехать ти Добрыни на почестной пир
Ко ласкову князю ко Владимиру.
- ¹⁵⁵ А й живи-тко ты Добрыня во своём дому,
Во своём дому Добрыня своей матушки,
Ешь ты хлеба соли досыта,
Пей зелена вина ты дóпьяна,
Носи-тко золотой казны ты долюби.
- ¹⁶⁰ А и говорит-то ведь Добрыня родной матушки:
— Ай же ты родитель моя матушка!
А даешь мне-ка прощение — поеду я.
Не даешь мне-ка прощенья — поеду я.

Дала мать Добрынюшки прощеньицо,

¹⁶⁵ Дала мать Добрыни благословеньицо.

А справляется Добрыня, снаряжается,

Обувает он сапожики на ноженки зелен сафьян,

Одевает-то Добрыня платье цветное,

Налагает ведь он шапку во пятьсот рублей,

¹⁷⁰ А й выходит-то Добрыня на широкой двор,

542

Он уздае-седлае коня добраго,

Налагает ведь он уздицу тесмяную,

Налагает ведь он потнички на потнички,

Налагает ведь он войлоки на войлоки,

¹⁷⁵ На верёх-то он седельшко черкаское.

А й крепко ведь он подпруги подтягивал,

А й подпруги шолку заморскаго,

А й заморскаго шолку шолпанскаго,

Пряжки славныя меди бы с казанския (*так*),

¹⁸⁰ Шпенечки-то булат-железа да сибирскаго,

Не для красы басы, братцы, молодецкия,

А для укрепушки-то было богатырский.

Садился ведь Добрыня на добра коня,

Приезжает-то Добрыня на широкой двор,

¹⁸⁵ Становил коня-то посреди двора,

Он вязал коня к столбу точеному,

Ко тому ли-то колецку золоченому.

А й приходит он во гридню во столовую,

А глаза-ты он крестит да по писаному,

- ¹⁹⁰ А й поклон-тот ведет да по ученому,
На вси стороны Добрыня поклоняется,
А й князю со княгинею в особину.
А й проводили-то Добрыню во больше место,
А за ты за эти столы за дубовыи,
- ¹⁹⁵ А за тыи ли за ества за сахарныи,
А за тыи ли за питья за медвяныи.
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали-то вторую пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкого,
- ²⁰⁰ Слили эти чары в едино место, —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А и принимал Добрыня единой рукой,
Выпивает-то Добрыня на единый дух.
- ²⁰⁵ А й Владимир-от князь да стольне-киевской
А по гридни по столовой он похаживат,
Сам он на богатырей посматриват,

543

Говорит да таково слово:

— Ай же сильнии могучии богатыри!

- ²¹⁰ А накинута на вас службу я великую:
Съездить надо во Туги́-горы,
А й во Тугии-горы съездить ко лютой змеи
А за нашею за дочкою за царскою,
А за царскою за дочкой княженецкою.
- ²¹⁵ Большой-от туляется за средняго,

Средний-от скрывается за меньшаго,
А от меньшаго от чину им ответу нет.
З-за того ли з-за стола за средняго
А выходит-то Семен-тот барин Карамышецкой,

²²⁰ Сам он зговорит да таково слово:

— Ах ты батюшко Владимир стольне-киевской!

А был-то я вчерась да во чистом поли,
Видел я Добрыню у Пучай реки, —
Со змеёю-то Добрыня дрался ратился,

²²⁵ А змея-то ведь Добрыни извиняласи,

Называла-то Добрыню братом большиим,
А нарекала-то себя да сестрой мёншою.

Посылай-ко ты Добрыню во Туги́-горы

А за вашею за дочкою за царскою,

²³⁰ А за царскою-то дочкой княженецкою.

Воспроговорит-то князь Владимир-от да стольнекиевской:

— Ах ты молодой Добрынюшка Микитинич!

Отправляйся ты, Добрыня, во Туги́-горы,

А й во Туги-горы, Добрыня, ко лютой змеи

²³⁵ А за нашею за дочкою за царскою,

А за царскою-то дочкой княженецкою.

Закручинился Добрыня, запечалился,

А й скочил-то тут Добрыня на резвы ноги,

А й топнул-то Добрыня во дубовой мост,

²⁴⁰ А и стулья-ты дубовы зашаталисе,

А со стульев все бояра повалялисe.

Выбегае тут Добрыня на широкой двор,

Отвязал ли-то коня да от столба,

От того ли-то столба да от точенаго,

²⁴⁵ От того ли-то колечка золоченаго;

А й садился-то Добрыня на добра коня,

Приезжает-то Добрынюшка на свой-от двор,

Спускается Добрыня со добра коня,

А й вязал коня-то ко столбу точеному,

²⁵⁰ Ко тому ли-то колечку к золоченому,

Насыпал-то он пшены да белояровой.

А й заходит он Добрыня да во свой-от дом,

А й во свой-от дом Добрыня своей матушки.

А й садился-то Добрыня он на лавочку,

²⁵⁵ Повесил-то Добрыня буйну голову,

Утопил-то очи во дубовый мост.

А к Добрынюшке подходит его матушка,

А сама ли говорила таково слово:

— Что же ты, Добрыня, не весёл пришол?

²⁶⁰ Место ли в пиру да не по розуму,

Али чарой ли тебя в пиру да обнесли,

Али пьяница дурак да в глаза на́плевал,

Али красный девицы обсмеялисе.

Воспроговорит Добрыня своей матушке:

²⁶⁵ — А место во пиру мне было бóльшое,

А большое-то место не меньшое,

А й чарой во пиру меня не обнесли,

А пьяница дурак да в глаза не́ плевал,

Красныя девицы не обсмеялисе;

²⁷⁰ А Владимир князь да стольне-киевской

А накинул-то он службу ведь великую:

А надо мне-ка ехать во Туги-горы,

А й во Туги-горы ехать ко лютой змеи,

А за ихною за дочкой княженецкою.

²⁷⁵ А й справляется Добрыня снаряжается

А во дальнюю да в путь дороженку.

Обувал Добрыня чёрны чоботы,

Одевал он платица дорожный,

Налагал он шляпу земли гречецкой,

²⁸⁰ А он у́здал-сёдлал коня добраго,

545

Налагал он уздицу тесмяную,

Налагал он потнички на потнички,

Налагал он войлоки на войлоки,

На верёх-то он седельшко черкасское,

²⁸⁵ А й да туго подпруги подтягивал,

А й да сам Добрыня выговаривал:

— А не для красы басы, братцы, молодецкии,

Для укрепушки-то был богатырския.

А й приходит до Добрыни родна матушка,

²⁹⁰ Подает Добрыни свой шелковый плат,

Говорит она да таково слово:

— Ах ты молодой Добрынюшка Микитинич!

А й съедешь, Добрыня, во Туги́ горы,

Во Туги-горы, Добрыня, ко лютой змеи,

²⁹⁵ А и ты будешь со змеей,

Добрыня, драться ратиться,

А й тогда змия да побивать будёт, —

Вынимай-ко ты с карманца свой шелковый плат,

Утирай-ко ты, Добрыня, очи ясныи,

Утирай-ко ты, Добрыня, лицо белоё,

³⁰⁰ А уж ты бей коня по тучным ребрам.

Это тут ли-то Добрынюшка Микитинич

А й заходит он Добрыня да во свой-от дом,

А й берет-то ведь Добрынюшка свой тугой лук,

А й берет-то ведь Добрыня калены стрелы,

³⁰⁵ А и берет-то ведь Добрыня саблю вострую,

А й берет-то он копьё да долгомерное,

А й берет-то ведь он палицу военную,

А он господу-то богу да он молится,

А й да молится Миколы да святителю,

³¹⁰ А й чтоб спас господь меня помиловал.

А й выходит-то Добрыня на широкий двор,

Провожаёт-то Добрыню родна матушка,

Подает-то ведь Добрыни шелкову́ю плеть,

Сама-то зговорит да таково слово:

³¹⁵ — А и съедешь ты Добрыня во Туги-горы,

Во Туги-горы Добрыня ко лютой змеи,

Станешь со змеей да драться ратиться,

А и ты бей змею да плёткой шолковой,

Покоришь змею да как скотинину,

³²⁰ Как скотинину да ведь крестьянскую.

А й садился-то Добрыня на добра коня.

Этта видли добра молодца ведь сядучись,

А й не видли ведь удалаго поедучись.

Проезжает он дорожку-ту ведь дальнюю,

³²⁵ Приезжает-то Добрынюшка скорым скоро,

Становил коня да во чистом поли

И он вязал коня да ко сыру дубу,

Сам он выходил на тое ли на место на уловное

А ко той пещеры ко змеиньи.

³³⁰ Постоял тут ведь Добрыня мало времечки,

А не темныя ли темени затемнели,

Да не черные-то облаци попадали,

А й летит-то летит поганá змия,

А й несёт змия да тело мёртвое,

³³⁵ Тело мёртвое да богатырскоё.

А й увидала-то Добрынюшку Микитича,

А й спущала тело на сыру землю,

Этта начала с Добрыней драться ратиться.

А й дрался Добрыня со змеёю день до вечера,

³⁴⁰ А й змия-то ведь Добрыню побивать стала;

А й напомнил он наказанье родительско,

А й вынимал платок да из карманчика,

А й приобтёр-то Добрыня очи ясныи,

Поприобтёр-то Добрыня лицко белоё,

³⁴⁵ И уж бьет коня да по тучным ребрам:

— А ты волчья выть да травяной мешок!

Что ли ты по темпу лесу да ведь не хаживал,

Аль змеинаго ты свисту да не слыхивал?

А й его добрый конь да стал поскакивать,

350 Стал поскакивать да стал помахивать
Лучше старого да лучше прежнего.
Этта дрался тут Добрыня на другой-от день,
А й другой от день да он до вечера,
А й проклятая змея да побивать стала.

547

355 А и напомнил он наказанье родительско,
Вынимал-то плетку из карманчика,
Бьет змею да своей плеточкой, —
Укротил змею аки скотинину,
А й аки скотинину да крестьянскую.

360 Отрубил змеи да он вси хоботы,
Розрубил змею да на мелки части,
Роспинал змею да по чисту полю,
А й заходит он в пещеры во змеиный,
А во тых ли во пещерах во змеиных

365 А роскована там дочка княженецкая,
В ручки в ножки биты гвоздя железныи.
А там во пещерах во змеиных
А не много ли не мало да двенадцать всех змиёнышов;
А й прибил-то ведь Добрыня всех змиёнышов,

370 А и снимал он со стены да красну девушку,
Приходил Добрыня на зеленый луг,
К своему Добрыня коню доброму.
А й садился ведь Добрыня на добра коня,
Приезжает-то Добрынюшка ко стольнему ко городу ко Киеву

375 А й ко ласкову ко князю ко Владимиру,

А й привозит князю дочку любимую.

А й за тую-то за выслугу великую

Князь его нечим не жаловал.

Приезжает-то Добрынюшка во свой-от дом,

³⁸⁰ А застал коня во стойлу лошадиную,

Насыпал коню пшены да белояровой.

А й заходит-то Добрыня в нову горницу,

Этта тут Добрыня опочив держал.

Этта тым поездка та решиласи.

Записано там же, 28 июля.

548

60

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Как из дáлеча было из чиста поля,

Из-под белые березки кудревастыи,

Из-под того ли с под кустичка ракитова,

А й выходила-то турица златорогая,

⁵ И выходила-то турица со турятами,

А й расходилиси туры да во чистом поли,

Во чистом поли туры да со турицою.

А й лучи́лосе турам да мимо Киев град итти,

А й видли над Киевым чудны́м чудно,

¹⁰ Видли над Киевым дивны́м дивно.

По той по стены по городовии

Ходит девица душа красная,

А на руках носит книгу Леванидову,

А не только читает, да вдвои́ плаче.

¹⁵ А тому чуду туры удивилиси,

В чистое поле возвратилиси,

Сошлиси, со турцей поздорóвкалисе:

— А ты здравствуешь, турица наша матушка!

— Ай здравствуйте, туры да малы детушки!

²⁰ А где вы туры были, что вы видели?

— Ай же ты турица наша матушка!

А й были мы туры да во чистом поли,

549

А лучилосе нам турам да мимо Киев град идти

А й видели над Киевом чудным чудно,

²⁵ А й видели над Киевом дивным дивно:

А по той стены по городовыи

Ходит-то девица душа красная,

А на руках носит книгу Леванидову,

А не столько читает, да вдвои́ плаче.

³⁰ Говорит-то ведь Турина родна матушка:

— Ай же вы туры да малы детушки!

А й не девица плачет, да стенá плаче,

А й стена-та плаче городовая,

А она ведает незгодушку над Киевом,

³⁵ А й она ведает незгодушку великую.

А из-под той ли страны да спод восточныи

А наезжал ли Батыга сын Сергеевич,

А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,

А он с зятем Тараканчиком Корабликовым,

⁴⁰ А он со черным дьячком да со выдумщичком.

А й у Батыги-то силы сорок тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
А у зятя Тараканчика силы сорок тысячей,
А у черного дьячка, дьячка выдумщика,

⁴⁵ А той ли той да силы счёту нет,

А той ли той да силы да ведь смету нет:
Соколу будет лететь да на меженный долгий день,
А малою-то птички не облететь.
Становилась тая сила во чистом поли.

⁵⁰ А по греху ли-то тогда да учинилосе.

А й богатырей во Киеви не лучилосе:
Святополк богатырь на Святыих на горах,
А й молодой Добрыня во чистом поли,
А Алешка Попович в богомольной стороны,

⁵⁵ А Самсон да Илья у синя́ моря.

А лучилосе во Киеви голь кабацкая,
А по имени Василей сын Игнатъевич.
А двенадцать годов по кабакам он гулял,

550

Пропил промотал всё житьё бытьё своё,

⁶⁰ А й пропил Василей коня добраго,

А с той ли-то уздицей тесмяною,
С тем седлом да со черкальским,
А триста он стрелочек в залог отдал.

А со похмелья у Василья голóвка болит,

⁶⁵ С перепоею у Василья ретиво сердцо щемит,

И нечим у Василья опохмелиться.

А й берет-то Василей да свой тугой лук,

Этот тугой лук Васильюшко розрывчатой,

Налагает ведь он стрелочку каленую,

⁷⁰ А й выходит-то Василей вон из Киёва,

А стрелил-то Василей да по тем шатрам,

А й по тем шатрам Василей по полотняныи,

А й убил-то Василей три головушки,

Три головушки, Василей, три хорошеньких:

⁷⁵ А убил сына Батыгу Батыговича,

И убил зятя Тараканчика Корабликова,

А убил черного дьячка, дьячка выдумщикка.

И это скоро-то Василей поворот держал

А й во стольнёй во славной ко Киев град.

⁸⁰ А это тут Батыга сын Сергийевич

А посылает-то Батыга да скорых послов,

Скорых послов Батыга виноватого искать.

А й приходили-то солдаты каравульнии,

Находили-то Василья в кабаки́ на печи́,

⁸⁵ Проводили-то Василья ко Баты́ги на лицó.

А й Василей от Батыги извиняется,

Низко Василей поклоняется:

— Ай прости меня, Батыга, во такой большой вины!

А убил я три головки хорошеньких,

⁹⁰ Хорошеньких головки что ни лучшеньких:

Убил сына Батыгу Батыговича,

Убил зятя Тараканчика Корабликова,

Убил черного дьячка, дьячка выдумщикка.

А со похмелья у меня теперь голóвка болит,

⁹⁵ А с перепоею у меня да ретиво сердцѡ щемит.

551

А опохмель-ко меня да чарой винною,

А выкупи-ко мне да коня добраго,

С той ли-то уздицей тесмянною,

А с тем седлом да со черкальскимим,

¹⁰⁰ А триста еще стрелочек каленных.

Еще дай-ко мне-ка силы сорок тысячей,

Пособлю взять-пленичь да теперь Киев град.

А знаю я воротца незаперты,

А незаперты воротца, незаложенныи,

¹⁰⁵ А во славный во стольнёй во Киев град.

А на ты лясѡ Батыга приукинулся,

А выкупил ему да коня добраго,

А с той ли-то уздицей тесмяною,

А с тем седлом да со черкальскимим,

¹¹⁰ А триста-то стрелочек каленных,

А наливает ему чару зелена вина,

А наливает-то другую пива пьянаго,

А наливает-то он третью мѡду сладкаго,

А слил-то эти чары в единое место, —

¹¹⁵ Стала мерой эта чара полтора ведра,

Стала весом эта чара полтора пуда.

А принимал Василей единою рукой,

Выпивает-то Василей на единый дух,

А крутешенько Василей поворачивалсе,

¹²⁰ Веселешенько Василей поговариваё:

— Я могу теперь, Батыга, да добрым конём владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом полé гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой махать.
И дал ему силы сорок тысящей.

¹²⁵ А выезжал Василей во чисто полё
А за ты эты за лесушки за тёмные,
А за ты эты за горы за высокие,
И это начал он по силушке пóезживати́,
И это начал ведь он силушки пору́бливати́,
¹³⁰ И он прибил, прирубил да еди́ной головы́.
Скоро тут Василей поворóт держал.
А приезжает тут Василей ко Баты́ги на лицó,

552

А й с добра коня Васильюшка слушается,
А низко Василей поклоняется,
¹³⁵ Сам же он Батыге извиняется:
— Дй прости-ко ты, Батыга, во такой большой вины
Потерял я ведь силы сорок тысящей.
А со похмелья у меня теперь голóвка болит,
С перепою у меня да ретиво сердце щемит,
¹⁴⁰ Помутились у меня да очи ясныя,
А подрожало у меня да ретиво сердце,
А опохмель-ко ты меня да чарой винною,
А дай-ко ты силы сорок тысящей,
Пособлю взять-плени́ть да я Киев град.
¹⁴⁵ А на ты лясы Батыга приукинулся,
Наливает ведь он чару зелена вина,

Наливает он другую пива пьяного,
Наливает ведь он третью мёду сладкаго,
Слил эти чары в едино место, —

¹⁵⁰ Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василей единою рукой,
А выпивал Василей на единый дух,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,

¹⁵⁵ Веселешенько Василей поговариваё:
— Ай же ты Батыга сын Сергийевич!
Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелькой махать.

¹⁶⁰ А дал ему силы сорок тысящей.
А садился Василей на добра коня,
А выезжал Василей во чисто полё
А за ты эти за лесушки за темные,
А за ты эти за горы за высокие,

¹⁶⁵ И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
А розгорелось у Василья ретиво сердце,
А й размахалась у Василья ручка правая.

¹⁷⁰ А й приезжает-то Василей ко Батыги на лицо,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,

А он прибил, прирубил до единой головы.

А й тот ли Батыга на уход пошол,

¹⁷⁵ А й бежит-то Батыга запинается,

Запинается Батыга заклинается:

— Не дай боже, не дай бог да не дай дитям моим,

Не дай дитям моим да моим внучатам

А во Киеви бывать да ведь Киева видать!

¹⁸⁰ Ай чистыи поля были ко Опскову,

А широки роздольица ко Киеву,

А высокия-ты горы Сорочинский,

А церковно-то строенье в каменной Москвы,

Колокольнёй-от звон да в Нове-гóроде,

¹⁸⁵ А й тёртые колачики Валдайския,

А й щापливы щеголиви в Яросла́ви городи,

А дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,

А сладки напитки во Питери,

А мхи-ты болота ко синю́ морю,

¹⁹⁰ А щельё каменьё ко сиверикú,

А широки подолы Пудожаночки,

А и дублёны сарафаны по Онеги по реки,

Толстобрюхие бабенки Лёшмозёрочки,

А и пучеглазые бабенки Пошозёрочки,

¹⁹⁵ А Дунай, Дунай, Дунай,

Да боле петь вперед не знай.

Записано там же, 28 июля.

Ай на панови да на ула́нови (*так*)

Там жило было два Ли́вика,

Королевских да два племянника.

Оны думали да думу крепкую,

⁵ Оны хочут ехать во святую Русь,

А й во матушку да каменну Москву,

К молодому князю Роману Митриевичу,

А й к ему да на почестный пир.

А й приходят-то оны к своёму дядюшки,

¹⁰ Чёмбал королю земли литовские:

— Ах ты дядюшка да наш Чёмбал король,

А й Чембал король земли литовские!

Уж ты дай-ко нам теперь прощеньицо,

Ах ты дай-ко нам да благословеньицо, —

¹⁵ Хочем ехать мы да во святую Русь,

А й во матушку да каменну Москву,

А й ко тому ко князю Роману Митриевичу,

А й к ему-то ехать на почестный пир.

Говорит им дядюшка Чёмбал король,

²⁰ А й Чембал король земли литовские:

— Ай да родные мои племяннички!

А й не дам я вам теперь прощеньица,

А й не дам я вам да благословеньица,

Это ехать вам да на святую Русь.

²⁵ Еще кто ж езжал да на святую Русь,

А й счастли́в с Руси да не выезживал.

Не послушали оны своего дядюшки,
А й уздали ведь седлали да добрых коней,
Обкольчужились скоро, облатились,
³⁰ А й сажалисе оны да на добрых коней,
Приезжали-то оны да во святую Русь.
Наезжали-то в Руси оно первó село,
А перво село да Ярославское,
А й первó село да прекрасívое;
³⁵ А й во том сели да было три церкви,
А й было три церкви три соборных.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да óгну придали.
А й наезжали́ в Руси да вторó село,
⁴⁰ А й второ село Катеринградское,
Превеликое село да красивой;
А во том сели да было шесть церквей,
Было шесть церквей да шесть соборных.
Оны жили были да пограбили,
⁴⁵ Это-то село да всё огнём пожгли.
Наезжали во Руси́ да третьё село,
А третьё село да Косоульское,
А это́-то село да превеликое,
Превеликое село да красивое;
⁵⁰ А и во том сели было девять церквей,
А й девять церквей было соборных.
Оны жили были да пограбили,
А это́-то село да всё огнём пожгли,
Полонили младу полоненочку,
⁵⁵ А молоду Настасью да ведь Митрьевну

Со тыйм младенцем двоюмёсячным;
Увезли далече во чисто поле
За быстру реку да за Смородину.
Во чистом поли столбы розставили,

556

⁶⁰ На столбы шатры оны роздернули,
Это тут-то молодцы да опочив держат,
А й не много ли не мало столько шесть-то дней.
Как из д́алеча далéча из чиста поля
Налетела мала птица, певчий заворóночок (*так*),

⁶⁵ А садился он ко князю во зеленый сад,
А в саду поёт он выговариват:
— Ай ты молодой князь Роман Митриевич!
Ешь ты пьешь да проклаждаешься,
Над собой ты ведь незгодушки не ведаешь.

⁷⁰ Во твою-то во святую Русь
А й приехало-то два поганных два Ливика,
Королевский да два племянника.
Наезжали-то в Руси они перво село,
Оны жили были да пограбили,

⁷⁵ Оны то село да ведь огнём пожгли;
Наезжали-то в Руси они второ село,
Оны жили были да пограбили,
Оны то село да ведь огнем пожгли;
Наезжали-то в Руси они третьё село,

⁸⁰ Оны жили были да пограбили,
Это-то село да ведь огнём пожгли,

А полонили младу полоненочку,

А й твою-то родиму сестру

Со тым младенцем двоюмесячным,

⁸⁵ Увезли-то ведь далече во чисто поле,

За быстру реку да за Смородину.

А й закручинился тут князь да запечалился

Еще той тоской печалью он великою,

А хватил-то он ножищю да кинжалищю,

⁹⁰ Кинул он ножищю во дубовой стол, —

Пролетело тут ножищю скрозь дубовой стол,

Скрозь дубовый стол сталó в кирпичный мост:

— Не дойдет-то им щенкам да надсмехатисе!

Ай собирает-то он силы равно три́ полку,

⁹⁵ Равно три полку да ведь тритысячных.

Поезжает тут ведь князь да Роман Ми́триевич

557

А й со своей со дружиной со хороброю

А й во да́лечо далéчо во чистó полё.

Первая дружина да едят-то пьют наладкою,

¹⁰⁰ Вторая-то шбломом роскатным,

Третья дружина ели столом скатертью.

Приезжае князь да ко быстрóй реки,

Ко быстрой реки да ко Смородины;

А й вырезывал-то он да три жеребья,

¹⁰⁵ А три жеребья вырезывал три ли́повых.

А й спущал-то он да первы жеребьи

На быстру реку да на Смородину:

А которы-то ели пили да нападкою,

Тыи жеребьи да каменём ко дну, —

¹¹⁰ А й той-то дружины да убитой быть.

А й спускает он-то вторы́ жеребьи

На быструю реку он да на Смородину:

А которы-то ели шóломом роскатным,

Тыи жеребьи да оны вниз быстрин, —

¹¹⁵ Это тая-то дружина буде во полон взята.

А спущал-то он ведь третьи жеребьи:

А которы-то ели столом скатертью,

Тыи-ты ведь жеребьи встречу быстрин, —

Это тая-то дружина да весьма храбра.

¹²⁰ А две эты́ дружины оставляет тут,

Третью-ту дружину за собой берет.

Выезжали они скоро во чистó полё;

Говорит тут младый князь Роман да Митриевич:

— Ай же вы дружинушка хоробрая!

¹²⁵ А вы слушайте-тко бóльшаго вотáмана,

А й делайте вы дело повелёное:

А й закричит как черный ворон на сыром дубу,

На сыром дубу да во первóй након,

А й вы ешьте тогда вы кушайте;

¹³⁰ А закричит чернóй-то ворон на сыром дубу,

На сыром дубу да во вторóй након,

Вы уздайте седлайте да добрых коней;

А закричит-то чёрный ворон на сыром дубу,

На сыром дубу да во третьей након,

¹³⁵ А вы едите ко шатрам белополотняным,

А й возьмите вы берите да вы Ливиков,

Королевских возьмите вы племянников.

А сам он обвернулся да серым волком,

Это начал он ведь по полю побегивать,

¹⁴⁰ Это начал он по чистому порыскивать,

Прибегал-то он ведь близко ко белу шатру,

Заходил скорó во стойлы лошадиныи,

У добрых коней головочки поóторвал,

По чисту полю головочки пороскидал.

¹⁴⁵ Обвернулся князь-то добрым молодцом,

Заходил-то в кладовьи оружейные,

А у оружицов замочки повывертел,

По чисту полю замочки пороскидал.

Обвернулся белым малым горносталём,

¹⁵⁰ У тугих луков тетивочки повыщелкал.

Это начал по шатру да он побегивагь,

Этот весь шатёр да стал продрагивать;

Двоумесячный младенчик проязычился:

— Маменька, маменька, не мой ли-то дяденька,

¹⁵⁵ Твой братец по белу шатру побегиват,

Ино бел-то шатёр да весь продрагиват?

Услыхали эти речи да ведь Ливики,

Начали горносталя поганивать,

Соболиной ёго шубонькой закидывать,

¹⁶⁰ А приокинули ведь шубой соболиною, —

А повыскочил спод шубы соболиныи,

А скочил-то он тогда да на окошечко,

Со окошечка скочил да за окошечко.

Обвернулся он тогда да черным вóроном,

¹⁶⁵ А й садился-то он да на сы́рой дуб;

Закричал-то ворон во первой након,

А во первый-то након да на сыром дубу.

Говорят-то поганьи-ты Ливики:

— Ай не кричи-тко ты, чернóй ворон, да на сыром дубу!

559

¹⁷⁰ А поберем-то ведь мы нонь туги луки,

А пострелим тебя врана да на сыром дубу,

А мы кровь твою-ту прóльем по сыру́ дубу,

А мы перьё-то распустим по чисту полю.

А й закрычал тут вран да на сыром дубу,

¹⁷⁵ А й на сыром дубу да во второй након.

Говорят-то ведь тут Ливики таково слово:

— Ай не кричи-тко ты, чернóй ворон, да на сыром дубу!

А й поберем-то мы теперь свои оружица,

А й пострéлим мы тебя да черна ворона,

¹⁸⁰ А мы кровь твою-ту прóльем по сыру́ дубу.

А мы перьё-то распустим по чисту полю.

А й закрычал тут вран да во третей након, —

Наезжае тут дружинушка хоробрая.

Это тут-то Ливики ведь испугались

¹⁸⁵ А за тугие-ты луки́ да захваталисе.

А у тугих луков тетивочки пощелканы,

По чисту полю тетивочки роскиданы;

А бежали оны скоро в оружейную,

А у оружицов замочки отверчены,
¹⁹⁰ По чисту полю замочки роскиданы;
А бежали тут во стойлу лошадиную,
А тут у их кони без голов стоят.
А спущался он да из сыра дуба,
Обвернулся он да добрым молодцом.
¹⁹⁵ А вжимали оны тут поганых Ливиков,
А у большого-то руки сломали, глаза выкопали,
А у меньшого сломали резвы ноги до гузна,
А й посадили тут-то меньшого на большого,
А отпустили-то да их во свою сторону.

Записано там же, 28 июля

560

62

ПТИЦЫ И ЗВЕРИ

А й отчего-те зима да зачаласе,
А й красное лето состоялось?
Зачалася зима да от мороза,
А й красно лето от солнца,
⁵ А й богатая осень от лета.
И по тья-то осени богатои
Вылетала малая птица,
А й малая птица певица;
Садилась в зелену садочку,
¹⁰ А на тое на дерево калино (*так*),
А й начала пети, жупети,

Всякими она-те ясаками.

А й услыхали русьския птичи,

Сбиралися стады оны стадами,

¹⁵ Прилетали к зелену садочку.

А й садились птичи рядами,

В одну сторону да головами;

А начали пети, жупети,

Заморскую птицу пытати:

²⁰ Ай малая птица певица!

Скажи божью правду, не утайсе:

Кто у вас за морем большии,

561

Кто за Дунаечким меньшии?

А ответ держит птица певица:

²⁵ — Глупыя вы русьския птичи!

⊗ за́чем же сюда да прилетали,

За́чим про синё морё спрашали?

Все у́ нас за́ морем большии,

Все за Дунаечким меньшии.

³⁰ А й крестьяна у́ насъ по деревням,

А десятски у́ насъ по селеньям,

А й старосты у́ насъ по волóстям,

Попы дьяки у́ нас по погостам.

Старцы игумны в монастырях,

³⁵ Подьячие люди по присутствам.

А гости торговы по посадам.

Воеводы живут у́ нас по мызам,

Солдаты идутъ по походам,
Цари да царьствуютъ по царствам.

⁴⁰ А все ль-то у нас и по работам.
А еще бы за Дунаечкиим морём
Белой-от колпик был царик,
Белая колпица царица.

⁴⁵ А гуси-ты на мори бояра,
Лебеди боярицкия жены,
Соловей при нихъ веселый
Во всякия игры играёт
Все ведь бояр и спотешает.

⁵⁰ Воробьи боярьски холопы,
Колья жердьё да работали,
Крестьянски конопля розбивали,
Оттого сыты пребывали.
А голубчик-от на мори попик,

⁵⁵ Голубушка-та была попадюшка,
А й косачки дьячки церковны,
Тетёрки-ты дьяческия жёнки,
Кулик понамарь церковной.
А травник-от был протаможник.

⁶⁰ А терпук-отъ былъ трапезник,
А канюк-отъ былъ ведь человальник,
Рябчикъ-от на мори стряпчей.
А ластушки красны девицы,
Утки да были молодицы,

⁶⁵ Селезень гость торговой;

А й по синему морю ведь он плаваёт,

Всякими товарами торгуёт.

Чайки-ты были водоплавки,

Гагары-ты были рыболовки,

⁷⁰ А с озера в озеро ныряли,

Всяку оны рыбу добывали;

На горы их рыба не бывала,

А в торгу их рыбы не видали,

Крестьяна их рыбы не едали.

⁷⁵ А журавль-отъ был перевощик:

По синему морю ведь он бродит,

Русьския птицы перевозит,

Цветнаго платия не мочит.

Галици были черници,

⁸⁰ Чёрныя врань да игумён,

А ястрёбъ был и атаманом,

А филинь-от тать да розбойник,

Сокёл-от скорый посланник,

Орёл-отъ на мори налётник;

⁸⁵ Единожды в год и прелетает,

А велику себи дань и собирает, —

По три головы да по четыре,

Иногда по целому десятку.

А мошник-отъ на мори крестьянин,

⁹⁰ Коппала крестьянская жёлтка.

А синька б... и полежлива;

Часто лежит она хворает,

Долго она не пропадает,

Робóты роботать она может,

⁹⁵ Казака нанять она не смыслит.

Дрозд-от у нёй казачёнко,

563

День-то он ночи роботáё,

Гроша он найму́ да не видаё,

Кокуша победьна горюша;

¹⁰⁰ Много она яиц выкладáёт,

А счоту во яйцах не знаёт,

Детей выводити не умеёт.

Куропать бобыль беспоместной;

Штаники он носить с напускáми,

¹⁰⁵ Из куста во кустъ перебродит,

Поместья себе да не имеет.

Деятель-от нá мори плотник,

Желнá-та церковной строитель,

Пó темному лесу летáёт,

¹¹⁰ Всяко она дерево пытаёт,

Церквы соборы работаёт,

Сорока каба́цкая жéнка;

Черныя чéботы держала,

С ножки на нóжку скакала,

¹¹⁵ Нá груди подолы подымала,

Молодых ребятъ приманяла:

Без колача да есть не сядёт,

Без молодца да спать не ляжёт;

Пешь же она, курвá, не ходит,

¹²⁰ Всё ль-то едѣ на подводах,
А пара у́ ней ко́ней вороных,
Извощички ребята молодьи.
Ворóна-та на мори бабка;
Когти толсты́и грязны́и,

¹²⁵ Порядню-ту водит худую.
Пѣтухи ка́заки донскии, —
То-то молодцы да удалыи;
По́ многу жѣн оны́ содѣржат,
По́ три жѣны́ да по четыре,

¹³⁰ Иной до целого десятка,
А всех нарядити он умѣет.
Весьма розрядити разумеет,
Не так какъ на́ Руси у́ мужа

564

Одна ёго́ бажоная жѣну́шка, —

¹³⁵ И той нарядити он не умеет,
На работу розрядить не разумеет.
А курица послѣдняя птица;
Кто ни ею да поймает
Всякой в дыре да ковыряет,

¹⁴⁰ Все из яйца́ бедну́ пытаёт,
Любимым зятевя́м и припасаёт.
Левъ-тот на́ мори мясник был,
Медведь-от был кожедѣрник;
Много он кож придираёт,

¹⁴⁵ Сопогов на ногахъ не ви́даёт.

Волкъ-тот и на́ мори овчинник;
Много онъ овчинь придираёт,
А й шубы он на плечах не видаёт,
Велику себи стужу принимает.

¹⁵⁰ Олень-отъ скорыи посланник,
Зайко-то на мори калачник,
А ножки тоненьки беленьки,
Калачики пекёт он и мяконьки.
А лисица молóда молодица;

¹⁵⁵ Дологъ хвост — и не наступит,
Зделаёт вину — она не скажёт.
А собака-та зла лиха свекрова;
День она ночи варайдаёт,
Дела ника́кова не скажет.

¹⁶⁰ А и кошки э́ты́ были вдовицы,
То-то сироты да бобылицы;
Днёмъ кошки лежа́ по печкам,
Ночью пойдут по добычкам,
А криночки горшочки открывают,

¹⁶⁵ Без ложки сметаньку снимают,
За то же их бьют и беспощадно.
А всем молодцам был и роспуск;
Всем удалым был и розъезд:
Красным девицам по терёмам,

¹⁷⁰ А й молóдым молодца́м был и по лавкам,

А молóдым молóдкам по скамейкам,

Старым старикам и по полатям,
Старьим старушкам по печкам.

То-то старуха на печки,

¹⁷⁵ То-то старухи надоества, —

Кринка овсяного теста.

А еда бы старуха, молчала,

Молчала бы старуха, не ворчала... тпру.

Записано там же. 29 июля.